

В.В.Журавлев,
доктор исторических наук.
Московский государственный
областной университет

Исторические корни современных российских реформ

Поставленная тема настолько широка и многопланова, что более или менее полное ее раскрытие требует рассмотрения таких глобальных проблем, как характерные черты и особенности российского исторического процесса, судьбы отечественной государственности, вековые традиции взаимодействия государства и общества и т.д. Задача данного доклада гораздо более скромная: очертить совокупность исторически сопоставимых факторов, обстоятельств, причин, определивших недостаточную — на всей дистанции XX столетия — эффективность преобразовательных процессов, а также цепь неудач реформаторских усилий в стране. Иными словами, раскрыть глубинный, замешанный на исторических традициях смысл крылатой формулы российского экс-премьера: "Хотели, как лучше, а получилось, как всегда". И что скрывается за этим "как всегда"?

Естественно, что ввиду ограниченности времени изложить и аргументировать эту проблему без известной тезисности, более того, схематичности вряд ли возможно. В своей попытке рассмотреть российский модернизационный процесс на дистанции XX века — от Столыпина до Ельцина — я как историк отдаю себе отчет в своеобразии и конкретно-исторической неповторимости досоветского, советского и современного этапов отечественной истории. Но за специфическим и неповторимым отчетливо просматривается и общее, сопоставимое. Многообразие вариаций не заглушает звучания основной темы.

Для чего необходимо видение сопоставимого в исторически неповторимом?

На одном из предыдущих симпозиумов историк В.В.Шелохаев говорил о важности выявления "хромосомного набора" в ткани событий и явлений нашей истории, суть которого заключается в повторяемости поведения субъектов исторического процесса. Продвигаясь в русле такого подхода, можно с определенной степенью условности, метафоричности говорить о наличии достигающего ментального уровня "**генетического кода**" отечественного исторического процесса. В нашем конкретном случае этот код определяет тот специфический алгоритм российской модернизации, когда модернизационные подвиги оказываются тесно сросшимися с явлениями демодернизационного и контрмодернизационного плана, в результа-

те чего реформы, начинаясь с завышенных надежд и многошумных деклараций, оборачиваются затем социальным откатом.

Подобный алгоритм можно с теми или иными вариациями наблюдать на примере столыпинских реформ, сталинской "революции сверху", хрущевских новаций, косыгинских попыток вдохнуть новую жизнь в промышленное производство, сделав его "немножко беременным" рынком. Касается это и событий последнего десятилетия прошлого века. Таким образом, прочерчивается некая пунктирная линия в обозначении алгоритма самореализации модернизационных процессов в России, алгоритма, ломающего границы отдельных общественных систем и политических режимов.

Что же можно констатировать, подводя итог модернизационному циклу истории страны длиной в XX век, циклу, который реализовывал себя как "комплексное многомерное смещение", охватившее — согласно градации американского социолога Н.Смелзера — шесть областей социальной жизни (экономику, политическую, образовательную и идеологическую сферы, а также области социальной стратификации и семейно-брачных отношений)?

Все три этапа этого цикла (досоветский, советский и постсоветский)¹ — при всем различии исторических условий протекания, форм и методов разрешения проблем модернизации в рамках каждого из них — объединяет в принципе единый тип и вектор модернизации, реализующей себя в виде *догоняющего развития*. Чем чревато догоняющее развитие?

Во-первых, тем, что исходит из априорной ориентации на определенную модель модернизации — на образец, то ли существующий в реальной действительности (общество западного типа), то ли теоретически сконструированный (в виде, например, марксистского прогноза перерастания того же западного общества в стадию социализма и коммунизма).

Во-вторых, догоняющее развитие зиждется на искаженных представлениях о реальных потенциях общества; на, как правило, произвольной оценке "верхами" (в русле собственных интересов) действительных потребностей общества и на завышенном истолковании возможностей воплощения этих потребностей в жизнь.

В-третьих, догоняющий тип развития не скоординирован с массовыми ментальными представлениями об общественном прогрессе и социальном благе. То есть догоняющее развитие базируется на нарушении требований формулируемого социологами **закона ментальной идентичности**, отражающего "сущностные связи между менталитетом народа и содержанием реформ, политикой (и, добавлю, философией. — В.Ж.) реформаторства в целом"².

¹ Период от Февраля к Октябрю 1917 г. не успел проявить себя в рассматриваемом плане.

² См.: *Попов В.Д.* Судьбоанализ реформ в России // Судьба реформ в России: Материалы научной дискуссии. М.: РНИСиНП, 1997. С. 29.

В этих условиях требуется осмысление уроков всех этапов российской модернизации XX в. в их совокупном воздействии на исторические судьбы страны.

О чем способны поведать нам эти уроки?

Одна из главных причин конечного краха вековых модернизационных усилий страны — несинхронность изменений в различных подсистемах общества. Источником же этой несинхронности неизменно служило то, что "верхи" в России обладали и продолжают обладать *исторически узурпированным* ими монопольным правом на любые социальные изменения в стране. Из этого проистекает цепь неблагоприятных следствий:

— искусственное выведение из модернизационного процесса политической сферы, основ господствующего политического строя;

— жесткое бюрократическое регулирование этих процессов, нацеленность на то, чтобы подчинить объективно проявляющие себя тенденции обновления общества волюнтаристскому контролю и диктату государства;

— избирательность в подходе к реализации встававших перед страной проблем, обеспечение режима благоприятствования в отношении узкосоциальных и клановых интересов перед интересами национальными, несоответствие, а в ряде случаев и противостояние государственных приоритетов широко понимаемым национальным интересам страны;

— игнорирование идущих "снизу", от общества "социальных заказов" на обновление, сдерживание процессов формирования гражданского общества, деформирование в угоду правящей элиты тенденций к становлению правового государства.

В итоге на протяжении всего XX в. "верхи" брали и продолжают брать на себя роль самовластных и самодостаточных "вершителей прогресса", традиционно придавая своей миссии сакральный, мессианский характер, но вполне рационально, взвешенно вводя модернизационные процессы в рамки, в наибольшей степени соответствующие потребностям сохранения и укрепления существующего политического режима, всевластия правящей страной бюрократии.

Парадоксальность российского модернизационного процесса истекшего столетия заключалась в том, что пики модернизационных подвижек с ремодернизационным побочным эффектом приходились не на периоды, когда государство их направляло и тщательно фильтровало, а на пору социальных смут и потрясений, когда общество уже не реагировало на государственный диктат и терапию саморегулирования, отдавая приоритет хирургическому скальпелю революционного (и контрреволюционного) насилия. Чудовищный вал "коллективного бессознательного" сметал, разрушал "до основания" определившиеся уже было институциональные устои общества, давая пришедшей на его гребне новой власти благодатные для нее и губительные для страны возможности начинать

все с "чистого листа", отбрасывая напрочь накопившийся модернизационный опыт и практические наработки предшествующего этапа исторического развития.

Коренной причиной неэффективности модернизационных усилий социума следует признать выявившуюся в их ходе "дисгармонию в экономике" (по терминологии Ш.Айзенштадта). На всех этапах российской модернизации этому фактору придавалось определяющее, подчас абсолютное значение, на решение экономических проблем бросались немалые силы. И каждый раз в итоге страну ждало поражение, определявшее судьбу общественной системы в целом. Не только достигнуть гармонии во взаимодействии четырех факторов экономического прогресса — *производства, распределения, обмена, потребления*, но и приблизиться к ней не удалось ни одной из последовательно сменившихся в XX в. трех общественных систем. Причины этого многообразны, включая факторы природно-климатического, исторического, идеологического, социального, политического, ментального, иного характера. Но все же самым узким местом в этой системе факторов для XX столетия следует признать неналаженные отношения между государством и обществом в постановке и решении проблем экономического развития. За весь XX в. так и не был наработан механизм эффективного сочетания и взаимодействия, с одной стороны, функций государственного регулирования экономики, а с другой — идущей "снизу" хозяйственной инициативы, заинтересованности производителя в поиске новых форм хозяйствования, а также в результатах своего труда.

О чем свидетельствует — в итоге — вековой опыт страны в плане модернизации своего экономического строя?

Прежде всего о том, что идеология и психология догоняющего развития в равной степени заставляли различные, сметавшие друг друга режимы делать упор именно на экономике, выпячивая эту проблему и форсируя ее решение при недооценке и даже полном забвении других сторон и факторов модернизационного комплекса. Особенно "ценностей, отношений, символических смыслов и культурных кодов, короче говоря, того "неуловимого и неосязаемого", без которого модернизация не может быть успешной"¹. Чугунный бог советской тяжелой индустрии и нечистый на руку бог Гермес постсоветского монетаризма в равной мере не оправдали возлагавшихся на них надежд.

Исторически детерминированное нежелание и неумение "верхов" решать проблемы модернизации в системе, а также в постоянном контакте и согласии с обществом породили в России феномен подмены реформ социальным экспериментированием. В отличие от реформы как эволюционного преобразования, вытекающего из внутренних потребностей общества, социальный эксперимент —

¹ *Штомпка П.* Социология социальных изменений. М., 1996. С. 183.

это присвоенное властью право на проверку возникающих у нее гипотез по типу: "Есть идея — давайте попробуем". Эксперимент вместо реформы — логическое следствие догоняющего типа развития, предпочтительный для "верхов" метод его реализации, особенно в переломные моменты истории. "Революция сверху" как таковая, будучи сама по себе грандиозным социальным макроэкспериментом "верхов", осуществляемым за счет "низов", порождает затем целую цепь подобного же рода шагов на мезо- и микроуровне. Показательные примеры этому — преобразовательная практика 1930-х и 1990-х годов.

Что же отличает эксперимент от собственно реформы?

Социальный эксперимент выводится на орбиту, как правило, тогда, когда время для внутренне детерминированного эволюционного преобразования оказывается безнадежно упущенным, а сам эксперимент становится необходимым как пожарная альтернатива реформированию, как запущенный вдогонку утраченному времени эрзац реформы.

Отсюда и характерные черты, лежащие в основе социального эксперимента:

— крайняя идеологизированность самого замысла преобразования и обеспечения хода его реализации;

— ультрарадикальный характер перемен, пренебрежение традицией и накопленным предшествующим этапом социальным опытом;

— институциональная революция: разрушение одних государственных и социальных институтов и срочное учреждение других;

— культивирование в обществе завышенных социальных ожиданий, тенденция власть предержащих к их сакрализации в обещаниях дать людям "новую землю и новые небеса над нею";

— примат политики над другими сферами модернизации, использование задач модернизации в целях борьбы за власть, подмена первых второй;

— несоразмерность выдвигаемых задач социальной цене, которую "верхи" требуют от народа ради туманного обещания воплотить эти задачи в жизнь;

— "двойная бухгалтерия", резкий разрыв между официальной идеологией преобразований, их широковещательным пропагандистским обеспечением и истинными намерениями инициаторов заявленных перемен;

— культивирование в обществе образа врага предлагаемых преобразований ("враг народа", "враг реформ"), разворачивание террора — морального, но способного в любой момент обернуться физическим (сталинский террор 1930-х годов, события октября 1993 г. в Москве) по отношению к действительным и даже мнимым противникам осуществляемых властью проектов.

По замыслу "верхов", социальный эксперимент призван единым махом разрубить гордые узлы противоречий уже зашедшего в

тупик общества, появляющиеся в результате десятилетий функционирования власти, которая, будучи призвана по своему исконному предназначению решать возникающие в обществе проблемы, фактически сосредоточивается на решении проблем собственных. На деле же такая попытка единым махом перескочить через целые этапы общественного развития оборачивается очередной смутой и социальным откатом.

Пока государство, даже находясь в плачевном состоянии, будет претендовать на роль агента только собственных интересов и единственного актора модернизации, игнорирующего флюиды, исходящие от общества, мы будем обречены на подмену реформ социальными экспериментами, а самой модернизации — цепью насилий "верхов" над "низами".

Главный итог российского модернизационного процесса заключается в том, что страна наша, испробовав в XX в. практически все теоретически возможные варианты догоняющего типа развития, оказалась в начале третьего тысячелетия в уже привычных для себя координатах исторического распутья. А это значит, что Россия пока еще не нашла, не успела своим социальным опытом — в условиях конфликта между государством и обществом, перманентного давления первого на второе — наработать предназначенный именно для нее механизм эффективной модернизации. Все это давно уже ставит в повестку дня вопрос, от которого амбициозная, самодостаточная наша политическая элита предпочитает отмахиваться. Вопрос о том, *насколько адекватен* объективным возможностям и реальным, а не умозрительно формулируемым потребностям России *догоняющий тип* развития как таковой.

Данный вывод из опыта российской истории нацеливает общество, в частности, на то, чтобы *искать выход* из сложившихся реалий, а не пробавляться мифами о прошлом, настоящем и перспективах будущего развития страны.

На смену концепции, идеологии и психологии "догоняющего развития" рано или поздно должна — хочется верить в это — прийти концепция и идеология *органического развития* России. Суть ее можно выразить в двух исходных постулатах. Первый из них сформулировал еще С.М.Соловьев — "естественно и целесообразно". Следование этим критериям на всех ступенях жизнедеятельности способно открыть новые возможности самоусовершенствования российского социума на самых различных его "этажах": на уровне личности, группы, социального слоя, общества в целом, а также подконтрольного ему государства. Второй постулат я бы выразил в формуле: "Изменяя себя, не изменяй себе".

Замечу, что оба указанных принципа, носят неполитический, надпартийный характер. Не "отменяя" социальных и политических интересов слоев, групп и партий, они способны перевести социально-политический дискурс в обществе — при наличии доброй воли —

из сферы социальной борьбы, подпитываемой неизбывным "Кто виноват?" в зону конструктивного, сплачивающего людей диалога — "Что делать?". А следовательно, могут быть использованы при выработке так необходимой стране национальной идеи.

Постепенное, но неуклонное переориентирование социума на тип органического развития вовсе не означает, что России впредь не понадобится "догонять" развитые страны по ключевым параметрам экономического, научно-технического и общественно-политического прогресса. Органические заимствования, которыми Россия никогда не пренебрегала, не мешали ей оставаться собой. Более того, в свое время В.С.Соловьев в полемике со славянофилами справедливо отметил, что на забвении "национального эгоизма" основано все хорошее не только на Западе, но и у нас в России: "...И русское государство, зачатое варягами и оплодотворенное татарами, и русское благочестие, воспринятое от греков, и то заимствованное с Запада просвещение, без которого не было бы русской литературы, не было бы и вашего славянофильства"¹.

Суть дела, таким образом, не в том, чтобы никого "не догонять", и ничего не заимствовать, а в том, как это делать. Органический путь предполагает установление такого климата в обществе, когда общий замысел преобразований, их смысл, характер и порядок осуществления вытекают из внутренних потребностей страны и возникающих перед ней "вызовов времени", выявляемых в результате — и это *непрерывное условие* — перманентного диалога общества и государства, социума и власти.

Только укоренившаяся практика "собеседования на социальном уровне" способна будет со временем естественно сформировать структуры российского варианта гражданского общества. Именно варианта, ибо российское общество в обозримом будущем вряд ли станет обществом частных собственников со всеми вытекающими отсюда чертами и особенностями, присущими гражданскому обществу западного типа. И "демонстрационный эффект" продвинутых в этом и других отношениях обществ совсем не обязывает нас копировать западные образцы. Его конструктивная функция — служить побудительным элементом, одним из первотолчков к реализации *собственных* задач органического развития. Любые заимствования только тогда способны принести пользу, когда они, согласно терминологии М.М.Ковалевского, выступают в форме **приспособления новшеств**, возводятся в ранг "творчества второго уровня".

Постсоветские реалии до предела обострили конфликт между индивидуализмом и коллективизмом, но не сняли с повестки дня ключевой, на мой взгляд, проблемы российской модернизации, суть которой состоит в достижении приемлемого равновесия между

¹ Соловьев В.С. Сочинения: В 2 т. Т. 1. Философская публицистика. М., Правда, 1989. С. 299.

этими двумя сложно взаимодействующими видообразующими факторами национального менталитета.

Еще раз хочу подтвердить, что только на путях органического развития Россия будет способна самореализовать себя и определиться на долговременную перспективу устойчивого, стабильного развития. Но при этом надо не забывать, что, как проверено веками истории, россиян устраивал и устраивает не всякий прогресс, а лишь такой, который в конечном счете способствует духовному обогащению и духовной самореализации личности. Отсюда цель российской модернизации по самому большому счету — наполнить жизнь общества и каждого его представителя новым содержанием. Содержанием даже не столько внешнего, сколько внутреннего характера, переведя стрелки часов страны с режима времени астрономического на режим социальный, насыщенность которого будет тесно сопряжена с интенсивностью поиска и обретения каждым из нас и обществом в целом внутреннего смысла существования и вдохновляющего стимула к самодвижению.

Только на этой основе процесс реформирования в стране будет способен обрести свой изначальный смысл, а также отвечающий ее внутренним потребностям характер. Исторический опыт российской модернизации в итоге не подтверждает расхожее мнение пессимистов о фатальной неререформируемости нашего общества. Но вместе с тем он указывает на необходимость дальнейшего поиска Россией своей модернизационной идентичности, своего органичного пути в будущее. Пути, не отрицающего общечеловеческие достижения и ценности, активно использующего их, но не заиклененного на определенных моделях в силу чьих-то идеологических и политических пристрастий.

Ответы на вопросы

Заданный мне вопрос звучит так: "Как Вы считаете, возможно ли было более органическое развитие России — из того состояния, которое сложилось к 80-м годам XX в.? И если "да", то каким образом в таком случае выглядели бы институты управления — государственного и местного?"

Но "органическое развитие" не может возникнуть в один момент, да еще в момент кризисного состояния. Этот процесс требует приведения в соответствие ментальности, культуры, экономики и т.п. Такие условия складываются одновременно с формированием гражданского общества и правового государства. Но эволюционный выход из ситуации 1980-х годов был возможен. Это мое убеждение. Система не исчерпала всех своих потенциалов.

В докладе А.Клепача прозвучали слова о том, что "мы только лишь к 2010 г. поднимемся до того уровня, который был в 1991 г.", т.е. после четырех лет кризиса! В 1987 г. кризисные процессы стали перерастать в обвал. И для того чтобы достичь уровня, сложившегося после четырех лет обвальной экономики, нам теперь требуются

20 лет. Наверное, только Россия способна на такую роскошь: взять и выкинуть из своей истории 20 лет развития! Я убежден, что в случае эволюционного варианта, который теоретически был возможен, так не случилось бы. Есть пример этому — Китай, который свои огромные ресурсы тоже авторитарного государства, авторитарной системы (близкой к тоталитарной) — повернул в рыночную сторону. Конечно, такой эволюционный путь не был бы гладким, это была бы тоже борьба, и в Китае тоже масса противоречий. Но там есть движение вперед.

Вот сходный с этим вариантом для Советского Союза был возможен... И все зависело от верхов, от их политики. И даже сейчас знаменитый тезис Дэн Сяопина "Неважно, какого цвета кошка, важно, ловит ли она мышей" — для России продолжает быть актуальным, потому что, встав на путь капитализма, мы опять начинаем выбирать и настаивать на самых "кондовых" формах этого капитализма.

Вот один пример. В книжке "Собственность на землю в России" мы проанализировали эту проблему за 1000 лет. В соответствии с современным и мировым уровнем ее понимания, значительного эффекта можно достигнуть не утверждением господства одной формы собственности (в данном случае — частной), а рациональным сочетанием всех форм собственности. И у нас был шанс пойти по этому пути. Но мы снова упираем на "кондовые" формы, которые опять будут чреватые очень серьезными последствиями.